

не определила для себя свое место в системе распространения общественных ценностей. Вместе с тем, события общественно-политической жизни России того времени показали, что отсутствие у системы образования воспитательных функций имеет и сомнительные результаты для развития российского общества. Рост цинизма, равнодушие граждан к происходящему, своеобразное понимание морали и т. д. повлияли на то, что пришлось признать право школы на распространение основ политической культуры среди подрастающего поколения. В общеобразовательной школе были введены предметы, которые должны были положить конец правовой безграмотности, дать представление о политическом устройстве Российской Федерации, о функционировании политической системы, а также месте и роли граждан в этой системе. Однако надо отметить, что политическая социализация осуществляется на когнитивном и эмоциональном уровнях. Эмоциональное восприятие политических ценностей происходит, в том числе, и через изучение истории. Историческое же образование к тому времени окончательно перешло на концентрическую систему, что уже через несколько лет стало объектом критики общественности, поскольку созданная система социализации дала совершенно неожиданный результат. Купированный набор знаний о политической системе привел к росту интереса к ней, а несистематизированное накопление знаний об исторических событиях привело к формированию политических мифов и искаженных представлений о политических процессах.

Начиная с 2000 г. стоит говорить о начале третьего этапа, который характеризуется актуализацией патриотической тематики и ростом интереса к содержанию школьной программы и школьных учебников. Не смотря на это, до сих пор остается нерешенным вопрос о стандартах образования, что свидетельствует о том, что продолжающаяся реформа области по-прежнему не уделяет должного внимания содержательной стороне образовательного процесса.

Подсекция «Средние века»

К легенде о появлении шелководства в Византии и о византийско-персидском торговом соперничестве

А. Н. Домановский

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина

Изложенная византийскими историками Прокопием и Феофаном [1, IV.17; 2, р.484] история появления шелководства в Византийской импе-

рии в период правления Юстиниана I не единожды привлекала внимание исследователей и популяризаторов науки. Редкий историк восточной раннесредневековой торговли не упоминал об этой чуть ли не древнейшей успешной попытке промышленного и коммерческого шпионажа, о безымянных находчивых монахах, удачно доставивших грены шелкопряда императору ромеев в своих дорожных посохах. Обычно в таких случаях не акцентировали внимания на значительных отличиях версий Прокопия и Феофана (хотя и упоминали о них), создавая обобщенный исторический миф (можно сослаться на классические работы Р.Хеннига (1933 г.) и Р.Лопеца (1945 г.), а также практически на все обобщающие работы по истории Византийской империи и восточной торговли).

В последнее время А. Мучесиус убедительно доказала, что свидетельства обоих авторов о появлении грен шелкопряда в Византии являются скорее легендой, чем действительным историческим событием, поскольку шелководство появляется в византийской Сирии не позднее V в., то есть значительно ранее, чем об этом пишут Феофан и Прокопий. Однако, по словам исследовательницы, оба свидетельства могут быть использованы для выяснения «общей правды» распространения шелководства во внутренних регионах Византии в VI – VII вв. [3, р. 23, 40; 4, р. 150]. Следовательно, даже будучи признанными легендарными, сведения обоих авторов заслуживают детального разбора с точки зрения выяснения представлений византийцев о том, как произошло появление и распространение технологии шелководства в империи.

Привлекает внимание вопрос о том, с точки зрения Прокопия и Феофана, препятствовал распространению шелководства в Византии. В большинстве исследований как бы само собой разумеющимся считалось, что византийским контрабандистам пришлось использовать свою уловку против китайцев, якобы засекретивших технологию шелкопрядения и всячески препятствовавших ее распространению за пределами Поднебесной [5, с. 173]. Особенно прочно эта точка зрения утвердилась после того, как ее освятила своим высоким научным авторитетом блестящая исследовательница Н. В. Пигулевская, которая, впрочем, нигде прямо не утверждала, что секрет производства шелка был вывезен именно из Китая [6, с. 184, 195 сл.].

Сравнительно недавно к этому вопросу обратился еще один знаток истории Китая Е. И. Лубо-Лесниченко. Он отмечает, что устоявшееся мнение о запрете распространения технологии производства шелка за пределами Китая не соответствует действительности. Напротив, китайцы стремились научить приграничных «варваров» земледелию и шелководству, чтобы поднять их до уровня «цивилизованных» людей. Кроме того, ввергнутый в экономический и политический хаос Китай VI в. вряд ли мог обеспечить действенную охрану «государственной тайны» шелководства, даже если она и существовала [5, с. 173-175]. Причиной же возникновения современного историографического мифа автор считает вызвав-

шую бурный интерес европейцев XVIII в. и действительно засекреченную китайцами технологию изготовления фарфора [5, с. 175].

Предложенная В. Е. Лубо-Лесниченко интерпретация достаточно убедительно объясняет путь возникновения ошибки современной исторической науки, однако не способна пролить свет на политико-экономические реалии средневековой легенды о проникновении шелководства в Византию. Если византийским шпионам пришлось обманывать не китайцев, то кто же тогда реально препятствовал проникновению технологии шелкопрядения в Византийскую империю?

Ответ на этот вопрос изначально лежал на поверхности. Он был настолько очевидным, что некоторые исследователи приходили к нему между делом, даже не уделяя проблеме специального внимания. Так, к примеру, Е. А. Беляев в обобщающем исследовании по истории арабов в раннее средневековье писал, что несшие грены шелкопряда византийские монахи обманули персидскую пограничную стражу [7, с. 7]. Исследователь, очевидно, пришел к данному ответу на основании общих сообщений о характере византино-персидского торгового соперничества.

Действительно, кому, как не персам, наживавшимся на торговом посредничестве, было выгодно держать в секрете от византийцев технологию производства шелка? Если признать, что китайцы не только препятствовали, но даже способствовали обучению «варваров» производству шелка, персы остаются единственной силой, заинтересованной в том, чтобы препятствовать проникновению технологии шелкопрядения в Византию и вполне способной принять для этого надлежащие меры.

Эти размышления на основании свидетельств *ex silentio* прекрасно соотносятся с конкретными данными источников, описывавших историю персидско-византийского торгового соперничества. Прежде всего, следует обратить более пристальное внимание на информацию соответствующих сообщений Прокопия и Феофана. Объединять информацию этих двух источников, считая, что они дополняют друг друга, ни в коем случае нельзя, поскольку они дают, по сути, две разные, схожие лишь в общих чертах версии доставки грены шелкопряда в Империю ромеев.

Как справедливо отмечает А. Мучесиус, Прокопий и Феофан расходятся в двух вопросах: о стране, откуда был вывезен шелк, и об этносе тех, кто его принес [3, р. 21]. Прокопий приписывает его нескольким монахам-несторианам, Феофан же считает, что грены доставил императору некий перс. Показательным представляется одновременное упоминание Феофаном о том, что грены шелкопряда в Византию доставил перс, и том, что ему пришлось спрятать их в своем дорожном посохе. Вполне вероятной выглядит гипотеза, что этот перс был одним из тех завербованных империей шпионов из числа персидских подданных, о которых упоминает все тот же Прокопий и в «Тайной истории», и в «Войне с персами».

Правительство Византийской империи, стремившееся обеспечить собственные экономические интересы в торговом противостоянии с персами, вполне могло (пере)вербовать персидских подданных и использовать

их против Сасанидов. Вербовка была тем более возможной, что на территории Ирана проживало немало христиан (преимущественно еретического толка), которые вполне могли выступать в качестве опоры империи ромеев на вражеской территории и, судя по всему, активно стремились к этому. По крайней мере, в официальном византийско-персидском мирном договоре 562 г., приведенном в сочинении Менандра Протиктора, специально оговорено невмешательство Византии во внутренние дела персидских христиан.

Приведенные соображения позволяют сопоставить сведения Прокопия и Феофана, предположив, что перс, доставивший в империю грены шелкопряда, был христианином, исповедывавшим несторианство. Вероятно, именно это обстоятельство побудило его действовать в интересах Византийской империи против Сасанидского Ирана и значительно облегчило процесс его «вербовки» ромейскими властями.

В целом же, вполне обоснованно считая пересказанную источниками историю о появлении технологии производства шелка в Империи ромеев легендой, подобной истории о распространении шелководства в Хотане [5, с. 173], следует признать, что она имеет серьезную историческую подоплеку и прекрасно соотносится с торгово-экономической политикой Сасанидского Ирана в IV – VI вв.

Литература

- [1] Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. Jac. Haury. — Lipsiae, 1905. — Vol. 2: De bellis libri V — VIII (De bello gothico).
- [2] Theophanis Chronographia / Ex rec. I. Classeni. — Bonnae, 1839. — Vol. 1.
- [3] Muthesius A. The Byzantine Silk Industry: Lopez and Beyond // Journal of Medieval History. — 1993. — Vol. 19. — № 1-2. — P. 1-67.
- [4] Muthesius A. Essential Processes, Looms, and Technical Aspects of the Production of Silk Textiles // The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. — Washington, 2002. — Vol. 1. — P. 147-168.
- [5] Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). — М., 1994.
- [6] Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV – VII вв. — М.; Л., 1951.
- [7] Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. — 2-е изд. — М., 1966.

Четвёртый крестовый поход как факт обмирщения крестоносного движения

А. М. Назаров, И. А. Власенко

Тольяттинский государственный университет

Крестовые походы имеют интерес, не только как выражение идей и настроения умов в известный период средневековой истории, но и как явление, которое оказало разнообразное и глубокое влияние на взаимо-